

Резервы повышения рождаемости в России: к методике оценки

Владимир Николаевич Архангельский^{1,2}, Тамара Андреевна Фадеева³

¹ Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, (archangelsky@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>)

² МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, (fadeevatoma@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-9866-5913>)

Аннотация

В статье рассматриваются методические вопросы оценки резервов повышения рождаемости. На основе статистической информации для России эта оценка применительно к общему коэффициенту рождаемости связана с предстоящими изменениями в половозрастной структуре населения. А в отношении суммарного коэффициента рождаемости резервы повышения по первым и вторым рождением связаны с преодолением негативных последствий «тайминговых сдвигов». Оценка резервов повышения рождаемости осуществляется на основе показателей рождаемости как по календарным годам, так и для реальных поколений. Существенно большие возможности для оценки резервов повышения рождаемости дают результаты социологических исследований репродуктивного поведения. Относительно более реально реализуемыми резервами увеличения среднего числа рождённых детей в реальных поколениях (а, следовательно, повышения рождаемости) являются разница в средних ожидаемом и имеющемся числе детей, доля намеревающихся родить ребенка в ближайшие годы. Более существенный, но и сложнее реализуемый резерв состоит в разнице между желаемым и имеющимся числом детей, отличии среднего ожидаемого числа детей при средней и низкой оценке условий жизни от величины этого показателя при их высокой оценке, различии в средней самооценке вероятности рождения ребенка в ближайшие годы в зависимости от дополнительной поддержки семей с детьми.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, реальные поколения, среднее число рождённых детей, репродуктивные намерения, резервы повышения рождаемости

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 20-510-00004.

Для цитирования: Архангельский В.Н., Фадеева Т.А. Резервы повышения рождаемости в России: к методике оценки // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С.162–176. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.2.2

Введение

Объект: рождаемость в России.

Предмет: резервы повышения рождаемости.

Цель: определить методические подходы к оценке резервов повышения рождаемости на основе статистической информации и результатов социологических исследований.

Основная гипотеза исследования: резервы повышения рождаемости могут быть определены на основе прогнозных оценок влияния половозрастной структуры населения на общие показатели рождаемости, анализа и оценки возможного влияния в предстоящие годы детерминант динамики показателей рождаемости, анализа репродуктивных ориентаций и оценки возможной степени их реализации.

В условиях сохранения низкой рождаемости, в значительной мере, определяющей естественную убыль населения, актуализируется задача определения возможных резервов повышения рождаемости в ближайшие годы и на перспективу. Это важно, как с точки зрения, разработки демографических прогнозов (прежде всего, по оптимистическим сценариям) и, с их учётом, прогнозов социально-экономического развития, так и при оценке возможных результатов демографической политики, направленной на повышение рождаемости.

Исследований, связанных с оценкой резервов повышения рождаемости, в России и за рубежом очень мало. Среди публикаций российских учёных можно выделить работы Шабуневой А.А. и Калачиковой О.Н. [10, 19], Малевой Т.М. и Тындик А.О. [12], специалистов Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан [5, 9].

Использование результатов социологических исследований репродуктивных намерений существенно расширяет возможности оценки резервов увеличения числа рождённых детей в семьях. Но для этого необходим анализ степени реализации этих намерений. Этот вопрос широко обсуждается специалистами, и мнения существенно различаются [23]. Многое зависит от того, какой индикатор репродуктивных намерений используется. Например, Philipov D. полагает, что более надёжной является характеристика намерений в отношении рождения ребёнка в тот или иной ближайший временной период [22]. Е.М. Андреев и Г.А. Бондарская, имея в виду ожидаемое число детей, отмечают, «что женщины в среднем достаточно точно реализуют свои репродуктивные планы» [1: 60]. Исследование, проведённое Beaujouan E. и Berghammer C., основанное на данных по 19 европейским странам и США, показало, что, в среднем, число рождённых детей несколько меньше, чем ожидаемое [20].

Некоторые исследователи видят существенные резервы повышения рождаемости в улучшении репродуктивного здоровья [3, 8]. И.И. Елисеева в одной из своих работ обращает особое внимание на аборты как резерв повышения рождаемости [7].

Динамика общих показателей рождаемости в существенной мере зависит от изменений половозрастной структуры населения. Значительное её влияние отмечают, например, Рыбаковский О.Л. и Таюнова О.А. [14], Тихомиров Н.П. и Тихомирова Т.М. [17]. На роль, так называемых, демографических волн, в динамике общих показателей рождаемости обращают внимание и специалисты из Беларуси [11]. Будущее позитивное влияние структурных изменений может рассматриваться как резерв предстоящего повышения рождаемости. Независимо от характера влияния структурного фактора, резервы повышения рождаемости в России в предстоящие годы связаны с преодолением «тайминговых сдвигов», которые, вероятно, имели место в предшествующий период по первым и вторым рождениям, негативно влияя на суммарный коэффициент рождаемости по ним.

Методология и информационная база исследования

В данной работе рассматриваются возможности оценки резервов повышения рождаемости в России как на основе анализа статистических данных, так и по результатам социологических исследований.

Прогнозная оценка, основанная на предположении неизменности возрастных коэффициентов рождаемости, позволяет оценить возможное изменение общих коэффициентов рождаемости под влиянием предстоящей трансформации половозрастной структуры населения. В отношении тех периодов, когда это влияние носит положительный характер, можно говорить о реализуемых с большой вероятностью резервах повышения рождаемости.

Анализ, основанный на статистической информации, позволяет выявить те резервы повышения рождаемости, которые связаны с характером детерминации ее динамики в предшествующие годы. Прежде всего, это относится к, так называемым, «тайминговым сдвигам». Если они связаны с откладыванием рождений, то есть основания полагать постепенное прекращение этих «сдвигов» и повышение рождаемости. Но может иметь место и ситуация с более ранним рождением детей (и соответствующим повышением календарных показателей рождаемости). После таких «сдвигов» неизбежен «тайминговый провал» и снижение календарных показателей

рождаемости. Преодоление этого «провала» и постепенное повышение показателей рождаемости будет происходить по мере достижения активного репродуктивного возраста поколениями, не затронутыми «тайминговыми сдвигами».

Существенно более широкие возможности оценки резервов повышения рождаемости через увеличение среднего числа рождённых детей предоставляют данные социологических исследований репродуктивного поведения, различные индикаторы репродуктивных намерений. В данной работе, в основном, используются результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведённого Росстатом в 2012 г. (далее – ВНРПН-2012). Выбор этого исследования определяется тремя причинами. Во-первых, оно одно из самых репрезентативных (в 30 регионах было опрошено 10054 человека, в т.ч. 5144 женщины в возрасте от 18 до 45 лет и 4910 мужчин от 18 до 60 лет). Во-вторых, после 2012 г. прошёл уже довольно большой период времени, что даёт возможность оценить реализацию выявленных в этом исследовании репродуктивных намерений. В-третьих, в распоряжении исследовательского коллектива есть база микроданных этого исследования (в отличие от аналогичного проведённого в 2017 г.), что существенно расширяет аналитические возможности.

Сопоставление репродуктивных намерений в реальных поколениях женщин с фактическим числом рождённых детей в них и его изменением в период после проведения опроса (они могут быть оценены на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по календарным годам) позволяет оценить, в какой мере эти репродуктивные намерения реализуются и, соответственно, в какой степени эти намерения в более молодых поколениях можно рассматривать как резерв повышения рождаемости. Социологическое исследование позволяет также оценить возможную степень реализации репродуктивных намерений в зависимости от условий жизнедеятельности и их возможных изменений, в т.ч. под влиянием политики, направленной на поддержку семей с детьми.

Результаты исследования

Резервы увеличения общего коэффициента рождаемости

С точки зрения оценки резервов повышения рождаемости в России, важно отметить, что, начиная с 2015 г. трансформация возрастной структуры населения, снижение доли женщин активного репродуктивного возраста в существенной мере способствует уменьшению общих коэффициентов рождаемости. Расчёты с использовани-

ем индексного метода показывают, что в 2016 г. структурные сдвиги способствовали снижению общего коэффициента рождаемости на 2,4 %, в 2017 г. – на 2,5 %, в 2018 г. – на 2,8 %, в 2019 г. – на 2,6 %, в 2020 г. – на 2,8 %.

Негативное влияние структурных сдвигов сохранится до конца 2020-х гг. За счёт действия этого фактора общий коэффициент рождаемости в России в 2021 г. мог снизиться на 2,8 %. В 2022 г. изменения в половозрастной структуре населения будут способствовать снижению общего коэффициента рождаемости на 2,7 %, в 2023 г. – на 2,6 %, в 2024 г. – на 2,4 %, в 2025 г. – на 2,1 %, в 2026 г. – на 1,7 %, в 2027 г. – на 1,2 %, в 2028 г. – на 0,8 %, в 2029 г. – на 0,2 %.¹

Начиная с 2030 г. изменения в половозрастной структуре населения, наоборот, будут способствовать повышению общих показателей рождаемости. Активного репродуктивного возраста будут достигать поколения начала 2000-х гг. рождения, когда рождаемость в России начала несколько повышаться. Особенно значительно это будет сказываться, когда этого возраста достигнут родившиеся в 2007 г. и нескольких последующих годах. В 2030 г. изменения в половозрастной структуре населения будут способствовать повышению общего коэффициента рождаемости на 0,3 %, в 2031 г. – на 0,9 %, в 2032 г. – на 1,4 %, в 2033 г. – на 1,8 %, в 2034 г. – на 2,0 %, в 2035 г. – на 2,1 %, в 2036 г. – на 2,1 %, в 2037 г. – на 1,9 %, в 2038 г. – на 1,6 %, в 2039 г. – на 1,3 %, в 2040 г. – на 0,9 %, в 2041 г. – на 0,5 %, в 2042 г. – на 0,1 %.

Здесь можно говорить о, так называемом, структурном резерве повышения общих показателей рождаемости.

Резервы повышения суммарного коэффициента рождаемости по первым и вторым рождениям

Кроме резервов повышения общих показателей рождаемости, связанных с особенностями половозрастной структуры населения и её предстоящими изменениями, и потому, как правило, носящими волнообразный характер, могут иметь место и резервы предстоящего повышения возрастных и суммарного коэффициента рождаемости, обусловленные происходившими в недавний период «тайминговыми» сдвигами, повлекшими за собой снижение показателей рождаемости. Следует иметь в виду, что могут иметь место и «тайминговые» сдвиги (более раннее рождение детей), обуславливающие повышение показателей рождаемости, после которого, как правило, имеет место их снижение, обусловленное, так называемым, «тайминговым провалом».

¹ Рассчитано по: данные Росстата.

Суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям, после достижения максимальной в XXI веке величины 0,811 в 2012 г., снижался в последующие годы. В 2020 г. он составил 0,625. Его значительное снижение и очень низкая величина в настоящее время, вероятно, обусловлены «тайминговыми» сдвигами, проявляющимися в откладывании первых рождений, связанном с откладыванием вступления в брак (по крайней мере, его регистрации). О такой связи, косвенно, свидетельствует синхронность (с лагом в один год) степени уменьшения возрастных коэффициентов брачности по первым бракам у женщин и коэффициентов рождаемости по первым рождениям. Эту связь отмечает, например, А.Б. Синельников [15: 35]. Наибольшее (за последние годы) снижение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям произошло в 2017 г. (на 0,059 или на 7,7%). В предшествующем 2016 г. имело место наиболее существенное снижение коэффициентов брачности по первым бракам у женщин: 18–19 лет – на 12,1 %, 20–24 года – на 13,1 %, 25–29 лет – на 14,5 %, 30–34 года – на 11,0 %, 35–39 лет – на 9,4 %. Это давало основания ожидать даже ещё более существенного снижения суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в 2017 г.

Если данные переписи населения показывают среднее число рождённых детей у женщин только на момент переписи, то его расчёты на основе календарных однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения существенно расширяют спектр аналитических показателей. Может быть оценено среднее число рождённых детей по очередности рождения в реальных поколениях женщин к тому или иному возрасту и в том или ином возрастном интервале. Такие данные по первым рождениям показывают для более молодых поколений их откладывание и рождение в более позднем возрасте (см. таблица 1).

В поколениях женщин 1970-х – 1980-х гг. рождения имеет место значительное снижение среднего числа первых рождений в возрасте до 25 лет (с 0,73 у женщин 1970 г. рождения до 0,43 у женщин 1991 г. рождения) и повышение их в возрасте 25–29 лет и 30–34 года (см. таблица 1). Это означает откладывание начала деторождения, смещение его к более старшим возрастам. Происходят «тайминговые» сдвиги по первым рождениям, обуславливающие снижение календарных показателей рождаемости по ним.

Прекращение этих «тайминговых» сдвигов и переход к повышению суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям неизбежны. Таким образом, здесь есть основания говорить о резервах повышения рождаемости. Вопрос в том,

Таблица 1

Среднее число первых рождений в реальных поколениях женщин в России
(оценка на начало 2021 г.)

Table 1

Average Number of First Births in Real Generations of Women in Russia (Estimate at the Beginning of 2021)

Годы рождения женщин		1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980
Среднее число первых рождений	к 25 годам	0,73	0,71	0,69	0,66	0,65	0,63	0,60	0,58	0,56	0,55	0,54
	в 25–29 лет	0,13	0,14	0,14	0,15	0,16	0,17	0,18	0,19	0,20	0,21	0,21
	в 30–34 года	0,05	0,05	0,05	0,06	0,06	0,06	0,07	0,07	0,08	0,08	0,08
Годы рождения женщин		1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Среднее число первых рождений	к 25 годам	0,52	0,51	0,49	0,48	0,47	0,47	0,47	0,46	0,45	0,44	0,43
	в 25–29 лет	0,22	0,23	0,24	0,25	0,25	0,25	0,27	0,26	0,25	0,23	0,22
	в 30–34 года	0,09	0,10	0,10	0,10	0,10	0,09	–	–	–	–	–

Рассчитано по: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>) (дата обращения: 12.01.2022); данные Росстата.

когда они могут быть реализованы и до какого уровня возможно повышение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением. На первый вопрос ответить пока сложно. Если судить по показателям среднего числа первых рождений в реальных поколениях, то есть основания ожидать, в перспективе, повышения суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением до уровня близкого к 0,8.

О начале преодоления «тайминговых» сдвигов по первым рождением будет свидетельствовать более-менее устойчивое повышение возрастных коэффициентов рождаемости по ним в относительно более старших возрастах.

В 2020 г. очень значительно сократились коэффициенты брачности, особенно по первым бракам: у женщин в 20–24 года – на 18,6%, 25–29 лет – на 14,5%. Косвенная оценка по предварительным данным Росстата, показывает, что в январе–сентябре 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости по первым рождением составил 0,610, что на 0,015 или на 2,4% меньше, чем в 2020 г., т.е., в отличие от предыдущих лет, снижение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением в 2021 г. значительно меньше, чем возрастных коэффициентов брачности по первым бракам у женщин в предшествующем 2020 г. Это даёт основания предполагать, что положительное влияние на изменение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением могло оказать введение в 2020 г. материнского (семейного) капитала на первого ребенка. Если таковое влияние имеет место, то, учитывая су-

щественное увеличение числа браков в 2021 г. (по предварительным данным – на 19,8%), в 2022 г. можно ожидать повышения возрастных и суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением.²

В отношении суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождением в России тоже, вероятно, есть основания говорить о «тайминговых» сдвигах, обуславливающих его снижение в последние годы, и, соответственно, о некоторых резервах возможного его повышения. Его существенное повышение в 2014 (на 0,033) и 2015 (на 0,030) гг. (большим оно было только в первые два года реализации программы федерального материнского (семейного) капитала (2007 и 2008 гг. и в 2012 г.), видимо, отчасти, было связано с «тайминговыми» сдвигами в связи с приближавшимся первоначально установленным сроком завершения этой программы (до конца 2016 г.). Скорее всего, эти «тайминговые» сдвиги проявились и в первой половине 2016 г. Общий коэффициент рождаемости за первые 8 месяцев в 2016 г. был таким же, как в 2015 г., но оценка показывает, что только за счёт структурных сдвигов он должен был бы снизиться не менее, чем на 2,4–2,5%. То, что он не изменился, свидетельствует о повышении возрастных и суммарного коэффициента рождаемости. Косвенная оценка показывает, что суммарный коэффициент рождаемости в январе–августе 2016 г. составлял не менее 1,81–1,82, что существенно больше, чем в целом за 2015 г. (1,78).³

² Рассчитано по: данные Росстата.

³ Рассчитано по: данные Росстата.

Изменение динамики рождаемости осенью 2016 г. даёт основания полагать, что, по крайней мере, одной из основных причин снижения суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождением была информация о продолжении предоставления материнского (семейного) капитала. В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. сказал: «Считаю необходимым продлить программу материнского капитала ещё как минимум на два года».⁴ «Тайминговые» сдвиги прекратились. Через 9 месяцев началось снижение суммарного коэффициентов рождаемости. После таких сдвигов неизбежен «тайминговый» провал в связи с тем, что вторые дети, которые могли бы родиться, уже родились раньше. Кроме совпадения по срокам информации о продлении программы федерального материнского (семейного) капитала и снижения (с лагом в 9 месяцев) суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождением, в пользу гипотезы о влиянии на смену характера его динамики именно «тайминговых» изменений свидетельствует то, что суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождением продолжал повышаться. «Тайминговые» сдвиги по ним в 2014–2016 гг. крайне маловероятны. Чтобы воспользоваться материнским (семейным) капиталом при рождении третьего или последующего ребенка, предыдущий ребёнок должен был родиться до 2007 г., т.е. тогда, когда на него ещё нельзя было получить этот капитал. Рождения детей с таким большим интервалом в эти годы при ориентации на получение материнского (семейного) капитала маловероятны.

О «тайминговых» сдвигах по вторым рождением свидетельствуют данные по реальным поколениям (см. таблица 2).

Среднее число вторых рождений к 30 годам существенно повышалось в поколениях 1980-х гг. рождения. Если у женщин 1980 г. рождения оно составляет 0,27, то в поколениях 1987–1988 гг. рождения – 0,34. У более молодых женщин оно меньше (1990–1991 гг. рождения – 0,31). О «тайминговых» сдвигах (более раннем рождении вторых детей) в этом случае свидетельствует то, что в поколениях женщин с существенно более высоким средним числом вторых рождений к 30 годам в последующие годы возраста оно меньше, по сравнению с другими поколениями. В поколениях 1987 и 1988 гг. рождения среднее число вторых рождений в возрасте 30–31 год (по 0,08) и 30–32 года (соответственно, 0,12 и 0,11) несколько ниже, чем у более старших женщин (в 30–31 год 0,10 у женщин 1984–1985 гг. рождения; в 30–32 года 0,14 у женщин 1983–1985 гг. рождения). Представляется, что на основе этих данных можно говорить о «тайминговых» сдвигах, более раннем рождении вторых детей в поколениях 1986–1989 гг. рождения (особенно, 1987–1988 гг. рождения) и относительно меньшем среднем числе вторых рождений у этих женщин после 30 лет, т.е., по сути дела, «тайминговом» провале.

Прекращение «таймингового» провала будет происходить по мере того, как возраста активного деторождения вторых детей будут достигать поколения, которые не были затронуты «тайминговыми» сдвигами.

Отметим в этой связи, что в 2020 г., впервые с 2016 г., несколько повысились коэффициенты рождаемости по вторым рождением в возрасте 22–26 лет и не снизились – в 27 и 28 лет. В 25 регионах в 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождением повысился впервые за последние годы. В целом по России суммарный

Таблица 2

Среднее число вторых рождений в реальных поколениях женщин в России (оценка на начало 2021 г.)

Table 2

Average Number of Second Births in Real Generations of Women in Russia (Estimate at the Beginning of 2021)

Годы рождения женщин		1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Среднее число вторых рождений	к 30 годам	0,27	0,28	0,28	0,29	0,30	0,30	0,32	0,34	0,34	0,33	0,31	0,31
	в 30–31 год	0,08	0,09	0,09	0,09	0,10	0,10	0,09	0,08	0,08	0,07	–	–
	в 30–32 года	0,12	0,12	0,13	0,14	0,14	0,14	0,13	0,12	0,11	–	–	–

Рассчитано по: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>) (дата обращения: 12.01.2022); данные Росстата.

⁴ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/2> (дата обращения: 14.01.2022)

коэффициент рождаемости по вторым рождением, по предварительной оценке, за январь–сентябрь 2021 г., повысился (с 0,523 в 2020 г. до 0,530) впервые с осени 2016 г.

Видимо, есть основания говорить о начале выхода из «таймингового» провала по вторым рождением. Это, вероятно, также можно рассматривать как резерв повышения рождаемости в ближайшие годы.

Оценка резервов повышения рождаемости на основе результатов социологических исследований репродуктивного поведения

Наряду с анализом возможных перспектив изменения статистических показателей рождаемости, для оценки резервов ее повышения могут быть использованы результаты социологических исследований.

С точки зрения определения резервов повышения рождаемости, индикаторы репродуктивных намерений, выявляемые по результатам социологических исследований, можно разделить, по крайней мере, на две группы:

- те, которые реализуются с весьма большой вероятностью и которые можно отнести к резервам повышения рождаемости в той степени, в которой они отличаются от среднего числа рождённых детей;
- те, которые могут быть реализованы только при значительном улучшении (в т.ч. благодаря реализации дополнительных мер социально-экономической и демографической политики) условий жизнедеятельности, точнее их восприятия с точки зрения благоприятности для реализации потребности в детях (возможность более-менее значимого увеличения самой этой потребности в дан-

ном случае не рассматривается в качестве резерва повышения рождаемости, ибо, во-первых, этот резерв может быть реализован только в очень отдаленной перспективе, а, во-вторых, пока в мире нет успешного опыта повышения потребности в детях ни мерами демографической политики, ни под влиянием каких-либо иных факторов).

К первой группе индикаторов относятся, прежде всего, ожидаемое число детей (по ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?») и намерение иметь ребенка в ближайшие годы (по ответам «уже беременна», «да, в ближайшее время / 2–3 года» и «да, но несколько позже, пока откладываем» на вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка (первого, если у Вас нет детей, или ещё одного)?»).

Ко второй группе индикаторов относятся, прежде всего, желаемое (точнее, разница между желаемым и ожидаемым) число детей (по ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?»), разница в оценке вероятности рождения ребенка в ближайшие годы при наличии и отсутствии каких-либо дополнительных мер помощи семьям, разница в величине ожидаемого числа детей при разной объективной характеристике и субъективной оценке уровня жизни (финансового положения) и жилищных условий; величины этих индикаторов можно, вероятно, трактовать как близкие к максимальным резервам увеличения среднего числа рождённых детей.

Одним из традиционных индикаторов репродуктивных намерений является среднее ожидаемое число детей, которое для оценки резервов повышения рождаемости может быть сопоставлено со средним числом рождённых детей (см. таблица 3).

Таблица 3

Среднее ожидаемое число детей (по данным ВНРПН-2012) и среднее число рождённых детей (оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости) в поколениях женщин 1970–1990 гг. рождения

Table 3

Average Expected Number of Children (According to the "Selective Observation of Reproductive Plans of the Population" (Rosstat, 2012)) and Average Number of Children Born (Estimated on the Basis of One-year Age Birth Rates) in Generations of Women Born 1970-1990

Годы рождения женщин	ВНРПН-2012			Среднее число рождённых детей (оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости)*			Различия в разнице между средними числами детей, ожидаемых и рождённых, и приросте среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг.
	Среднее ожидаемое число детей	Среднее число рождённых детей	Разница между средними числами детей, ожидаемых и рождённых	на начало 2013 г.	на начало 2021 г.	Прирост за 2013–2020 гг.	
1970	1,66	1,43	0,23	1,60	1,61	0,01	0,22
1971	1,84	1,50	0,34	1,59	1,60	0,01	0,33

Продолжение таблицы 3

Годы рождения женщин	ВНRPН-2012			Среднее число рождённых детей (оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости)*			Различия в разнице между средними числами детей, ожидаемых и рождённых, и приросте среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг.
	Среднее ожидаемое число детей	Среднее число рождённых детей	Разница между средними числами детей, ожидаемых и рождённых	на начало 2013 г.	на начало 2021 г.	Прирост за 2013–2020 гг.	
1972	1,69	1,46	0,23	1,56	1,59	0,03	0,20
1973	1,87	1,58	0,29	1,54	1,58	0,04	0,25
1974	1,84	1,52	0,32	1,55	1,61	0,06	0,26
1975	1,91	1,51	0,40	1,53	1,62	0,09	0,31
1976	1,81	1,39	0,42	1,49	1,62	0,13	0,29
1977	2,01	1,51	0,50	1,46	1,64	0,18	0,32
1978	2,01	1,53	0,48	1,42	1,66	0,24	0,24
1979	1,91	1,30	0,61	1,38	1,67	0,29	0,32
1980	2,02	1,34	0,67	1,31	1,65	0,34	0,33
1981	2,09	1,36	0,73	1,24	1,64	0,40	0,33
1982	2,05	1,14	0,91	1,17	1,65	0,48	0,43
1983	2,00	1,06	0,94	1,08	1,63	0,55	0,39
1984	2,07	1,00	1,07	0,99	1,60	0,61	0,46
1985	1,98	0,96	1,02	0,89	1,54	0,65	0,36
1986	1,98	0,92	1,06	0,80	1,49	0,69	0,37
1987	1,93	0,65	1,28	0,70	1,47	0,77	0,51
1988	2,05	0,61	1,44	0,59	1,39	0,80	0,64
1989	2,09	0,51	1,58	0,48	1,28	0,80	0,78
1990	1,97	0,33	1,64	0,37	1,15	0,78	0,86

* Рассчитано по: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>) (дата обращения: 12.01.2022); данные Росстата.

Среднее ожидаемое число детей по данным ВНРПН-2012 в части, превышающей число рождённых детей на момент опроса, могло быть в какой-то мере реализовано в период после 2012 г. Поэтому разницу между средними числами детей, ожидаемых и рождённых, можно сопоставлять со средним числом детей, рождённых в период, начиная с 2013 г., в реальных поколениях (рассчитывается на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости).

Разница между средним числом детей, ожидаемых и рождённых, по данным ВНРПН-2012 во всех поколениях значительно больше, чем прирост среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг. В поколениях женщин 1970–1981 гг. рождения это различие находится в диапазоне от 0,20 у женщин 1972 г. рождения до 0,33 у женщин 1971, 1980 и 1981 гг. рождения. По сути дела, это примерно косвенно оцененные нереализованные репродуктивные намерения. Видимо, эту величину

(примерно, 0,2–0,3) можно условно трактовать как максимальный резерв увеличения среднего числа рождённых детей в реальных поколениях, который может быть реализован без кардинальных изменений в уровне жизни семей с детьми. Но, конечно, при некотором его повышении, позволяющем, с точки зрения семей, реализовать репродуктивные намерения, т.е. иметь то число детей, которое они, по самооценке, собираются иметь.

У более молодых женщин различие между разницей в среднем числе детей, ожидаемых и рождённых, и приростом среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг. больше, но следует, конечно, иметь в виду, что оно будет сокращаться. С одной стороны, у них ещё увеличится среднее число рождённых детей, и его величина несколько приблизится к среднему ожидаемому числу детей, а, с другой, по мере добавления в расчёт для этих поколений однолетних возрастных коэффициен-

тов в более старших возрастах в последующие календарные годы среднее число рождённых в них будет возрастать и, следовательно, увеличится их прирост за период с 2013 г.

Ещё одним индикатором репродуктивных намерений, которые могут реализоваться с весьма большой вероятностью, может выступать оценка с использованием ответа на вопрос о намерении иметь ребёнка в ближайшие годы. В этом случае, к среднему числу рождённых детей у женщин

того или иного поколения прибавляется доля тех, кто ответил о наличии беременности, намерении рождения ребёнка в ближайшее время или несколько позже (см. таблица 4). Следует, конечно, иметь в виду, что средняя величина индикатора репродуктивных намерений в этом случае может быть несколько занижена, так как речь идёт о рождении ещё только одного ребёнка, и не учитываются ситуации, когда женщина намеревается иметь ещё двоих или более детей.

Таблица 4

Среднее число детей, которое женщины намереваются иметь (по данным ВНРПН-2012) и прирост среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг. (оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости) в поколениях женщин 1970–1990 гг. рождения

Table 4

The Average Number of Children that Women Intend to Have (According to the "Selective Observation of Reproductive Plans of the Population" (Rosstat, 2012)) and the Increase in the Average Number of Children Born for 2013-2020 (Estimate Based on One-year Age Birth Rates) in Generations of Women Born 1970-1990

Годы рождения женщин	ВНРПН-2012			Прирост среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг. (оценка на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости)*	Различия в доле собирающихся иметь ещё ребёнка и приросте среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг.
	Среднее число рождённых детей	Доля собирающихся иметь ещё ребёнка	Среднее число детей, которое женщины намереваются иметь (среднее число рождённых детей + доля собирающихся иметь ещё ребёнка)		
1970	1,43	0,12	1,55	0,01	0,11
1971	1,50	0,11	1,61	0,01	0,10
1972	1,46	0,09	1,55	0,03	0,06
1973	1,58	0,15	1,73	0,04	0,11
1974	1,52	0,19	1,71	0,06	0,13
1975	1,51	0,28	1,79	0,09	0,19
1976	1,39	0,26	1,65	0,13	0,13
1977	1,51	0,31	1,82	0,18	0,13
1978	1,53	0,33	1,86	0,24	0,09
1979	1,30	0,40	1,70	0,29	0,11
1980	1,34	0,44	1,78	0,34	0,10
1981	1,36	0,49	1,85	0,40	0,09
1982	1,14	0,58	1,72	0,48	0,10
1983	1,06	0,58	1,64	0,55	0,03
1984	1,00	0,62	1,62	0,61	0,01
1985	0,96	0,66	1,62	0,65	0,01
1986	0,92	0,63	1,55	0,69	-0,06
1987	0,65	0,72	1,37	0,77	-0,05
1988	0,61	0,72	1,33	0,80	-0,08
1989	0,51	0,77	1,28	0,80	-0,03
1990	0,33	0,72	1,05	0,78	-0,06

* Рассчитано по: Human Fertility Database (<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>) (дата обращения: 12.01.2022); данные Росстата.

В большинстве поколений 1970–1990 г. рождения сравнительно невелика разница между долей, собирающихся иметь ещё ребёнка, по данным ВНРПН-2012, и приростом среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг. От 0,10 до 0,13 она составляет в поколениях 1970–1971, 1973–1974, 1976–1977, 1979–1980 и 1982 гг. рождения. Несколько меньше она у женщин 1972, 1978, 1981 и 1983–1985 гг. рождения, а больше – только в поколении 1975 г. рождения (0,19). По аналогии с различием в величине этого прироста и разницей между числами детей, ожидаемых и рождённых (см. таблица 3), эту разницу (0,10–0,13) можно было бы трактовать как резерв увеличения среднего числа рождённых детей в реальных поколениях.

Но в данном случае такая трактовка будет, возможно, не вполне корректной, так как в поколениях 1986 г. рождения и моложе уже прирост среднего числа рождённых детей за 2013–2020 гг. несколько больше доли собиравшихся иметь ещё ребёнка (см. таблица 4). Вероятно, в какой-то мере это связано с тем, что в опросе учитывалось намерение в отношении рождения только одного ребёнка, а у части женщин этих поколений в 2013–2020 гг. могли родиться двое и более детей. Об этом косвенно свидетельствует очевидно заниженное в поколениях второй половины 1980-х гг. рождения среднее число детей, которое женщина намеревается иметь, рассчитанное как сумма среднего числа рождённых детей и доли собирающихся иметь ещё ребёнка.

Среди индикаторов резервов повышения рождаемости, к величинам которых возможно приблизиться при значительном улучшении условий жизнедеятельности семей, прежде всего, нужно отметить желаемое число детей. Оно традиционно определяется по ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?». Есть основания предполагать, что оно несколько завышено по сравнению с тем, которое может иметь место даже при наличии всех необходимых условий.

А.О. Тындик обращает внимание на относительно большой разрыв между желаемым и фактическим числом детей у женщин с высшим образованием, отмечая это как потенциал повышения рождаемости, который отчасти может быть реализован благодаря мерам семейной политики [18]. Кроме того, она отмечает, что «репродуктивные установки, выражаемые через желаемое число детей, и фактические намерения родить ребёнка хорошо согласованы между собой» [18: 373]. На разрыв между желаниями в отношении рождения детей и фактическим их числом, как, по

сути дела, на неудовлетворенную потребность в детях указывает Liefbroer A.C. [21].

По данным ВНРПН-2012 разница в среднем желаемом и ожидаемом числе детей составила 0,36 у женщин и 0,38 у мужчин.⁵ Аналогичное исследование 2017 г. показало различие между этими показателями, соответственно, 0,27 и 0,28.⁶

Результаты ВНРПН-2012 показали, что разница между средними желаемым и ожидаемым числом детей несколько различается по поколениям. Оценивая возможные резервы увеличения среднего числа рождённых детей на основе соотношения величин желаемого и ожидаемого числа детей, видимо, целесообразно ориентироваться на их разницу в поколениях, находящихся на момент исследования в наиболее активном репродуктивном возрасте. По исследованию 2012 г. это поколения 1979–1988 гг. рождения. Разница в величине среднего желаемого и ожидаемого чисел детей в них у женщин составляет 0,25–0,41 (если не учитывать крайние значения – 0,26–0,34), у мужчин – 0,16–0,33 (без крайних значений – 0,24–0,30). Таким образом, резерв увеличения среднего числа детей, связанный с возможностью повышения его от ожидаемого до желаемого, может быть оценен примерно в 0,25–0,35. При этом следует, конечно, иметь в виду, что, во-первых, этот резерв является дополнительным к тому, который был ранее определён для среднего ожидаемого числа детей (0,2–0,3) и репродуктивных намерений (0,10–0,13), а, во-вторых, учитывая сказанное выше в отношении желаемого числа детей, вероятность реализации этого резерва в полной мере чрезвычайно мала.

Другим подходом к оценке резервов увеличения среднего числа рождённых детей является определение разницы среднего ожидаемого числа в группах с различной оценкой уровня жизни и жилищных условий от той его величины, которая имеет место при высокой их оценке.

Следует иметь в виду три обстоятельства.

Во-первых, при анализе влияния условий жизни на ожидаемое число детей целесообразно, видимо, в большей мере, ориентироваться на их субъективную оценку. Вероятно, люди в своем поведении, связывая его с определёнными условиями жизни, исходят не столько из суммы своих доходов и других имеющихся материальных благ, сколько из того, в какой степени они ими удовлетворены. Это, в свою очередь, зависит, видимо, не только от объективных параметров условий жизни, но и от их значимости, уровня притязания

⁵ https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 20.01.2022)

⁶ https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 20.01.2022)

ний. В.М. Медков отмечал, что "гораздо большую роль в детерминации предпочитаемых чисел детей должен, вероятно, играть не сам по себе доход семьи, а ориентации на желаемый уровень дохода и степень удовлетворения доходом, имеющимся" [2: 85]. В.А. Белова и Л.Е. Дарский в 1968 г. писали, что "именно субъективная оценка материального положения лежит в основе планирования семьи" [4: 35]. Р.И. Сифман отмечала: "С теоретической и методической точек зрения при изучении влияния дохода семьи на число рождений у женщины важно исходить из твёрдо установленного сейчас в демографических исследованиях положения, что влияние оказывает не абсолютный размер дохода, а его оценка семьей" [16: 88].

Во-вторых, в соответствии с теорией ослабления потребности в детях (Борисов В.А., Антонов А.И. и др.) эта потребность у людей различается, а условия жизни влияют, в основном, на степень её реализации. Следовательно, рассматривать влияние оценки условий жизни на ожидаемое число детей целесообразно только в группах, однородных по величине потребности в детях (с некоторой долей условности, в качестве её примерного индикатора может использоваться желаемое число детей). В.М. Медков писал: «Методически правильно анализировать связь дохода и результатов репродуктивного поведения только в группах с одинаковой потребностью в детях и с одинаковым соотношением семейных и внесемейных ориентаций, поскольку только в таких однородных группах можно в чистом виде изучать влияние различных социально-экономических факторов» [13: 138-139]. По сути дела, то же отмечал В.А. Борисов: «Основной недостаток проведённых до сих пор исследований, как нам представляется, состоит в том, что исследователи фактически ищут непосредственную связь между жилищными условиями и рождаемостью, аксиоматически полагая одинаковую потребность в детях у респондентов...» [6: 152-153].

В-третьих, следует иметь в виду, что взаимосвязь между оценкой условий жизни и числом детей может свидетельствовать не только о влиянии условий жизни на число детей, но и, наоборот, числа детей на условия жизни.

Факт обратной связи уровня жизни и числа детей, уровня рождаемости проявляется в большинстве исследований на межстрановом и межсемейном уровне. В демографической и экономической литературе он получил название «парадокс обратной связи». Если анализировать влияние уровня жизни на число детей, то такая связь, действительно, выглядит парадоксальной. Но если иметь в виду влияние числа детей на уровень жизни, то обратная связь не выглядит столь

парадоксальной. При большем числе детей в семье, при прочих равных условиях, имеет место меньший среднедушевой доход и меньшая жилищная площадь в расчёте на одного человека, а это, в свою очередь, влияет на более плохую оценку уровня жизни и жилищных условий.

Если такое влияние числа имеющихся детей, видимо, понятно, то, как это может проявляться с ожидаемым числом детей? Здесь уместно напомнить, что в формулировке вопроса о нём упоминается «включая имеющихся». Т.е. ожидаемое число детей включает уже имеющихся и в этой части, конечно, может влиять на объективные индикаторы и субъективные оценки условий жизни. Элиминировать это влияние можно, во-первых, учитывая ожидаемое число детей только дополнительное к уже имеющимся (значительное влияние на него будет оказывать то, сколько детей уже есть и, следовательно, каждая из рассматриваемых групп по оценке условий жизни и желаемому числу детей должна будет дробиться ещё и на группы по имеющемуся числу детей), а во-вторых, возможен анализ влияния оценки условий жизни на ожидаемое число детей только для тех, у кого детей ещё нет (см. таблицы 5 и 6).

Почти во всех группах по желаемому числу детей у не имеющих детей прямая связь между оценкой уровня жизни и средним ожидаемым числом детей. Исключение составляют только женщины, которые хотели бы иметь троих и более детей (см. таблица 5).

Прямая связь между оценкой жилищных условий и средним ожидаемым числом детей имеет место у не имеющих детей женщин с желаемым числом детей, равным двум, и мужчин, которые хотели бы иметь двоих и троих и более детей (см. таблица 7). В принципе, тоже можно сказать и о женщинах с желаемым числом детей трое и более, хотя у них среднее ожидаемое число детей в группе со средней оценкой жилищных условий немного меньше, чем с низкой оценкой. Только в группах респондентов, которые при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь одного ребенка, результаты данного исследования, по сути дела, не показали наличия связи между оценкой жилищных условий и средним ожидаемым числом детей.

На основе величин отличий среднего ожидаемого числа детей в группах со средней и низкой оценкой уровня жизни (см. таблица 6) и жилищных условий (см. таблица 6) от этого показателя в группе с высокой оценкой, рассчитывается средневзвешенная величина, где в качестве весов используется доля респондентов, входящих в эти группы, в общей численности опрошенных. По оценке уровня жизни, она составляет 0,06 у

Таблица 5

Среднее ожидаемое число детей у не имеющих детей в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей (по данным ВНРПН-2012; N – число человек, для которых рассчитан показатель)

Table 5

The Average Expected Number of Children in Children Without Children, Depending on the Assessment of the Standard of Living and the Desired Number of Children (According to the "Selective Observation of Reproductive Plans of the Population" (Rosstat, 2012); N – the Number of People for Whom the Indicator is Calculated)

Оценка уровня жизни (баллы)	Группы по желаемому числу детей:											
	Женщины						Мужчины					
	1		2		3 и более		1		2		3 и более	
	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой
низкая (0–30)	0,89	-0,08	1,62	-0,22	2,79	+0,05	0,84	-0,11	1,58	-0,26	2,16	-0,50
	N=27		N=90		N=29		N=49		N=105		N=38	
средняя (40–60)	0,87	-0,10	1,80	-0,04	2,54	-0,20	0,88	-0,07	1,75	-0,09	2,46	-0,20
	N=150		N=361		N=144		N=147		N=385		N=142	
высокая (70–100)	0,97	-	1,84	-	2,74	-	0,95	-	1,84	-	2,66	-
	N=87		N=280		N=108		N=92		N=267		N=119	

Таблица 6

Среднее ожидаемое число детей у не имеющих детей в зависимости от оценки жилищных условий и желаемого числа детей (по данным ВНРПН-2012; N – число человек, для которых рассчитан показатель)

Table 6

The Average Expected Number of Children Without Children, Depending on the Assessment of Housing Conditions and the Desired Number of Children (According to the "Selective Observation of Reproductive Plans of the Population" (Rosstat, 2012); N – the Number of People for Whom the Indicator is Calculated)

Оценка жилищных условий (баллы)	Группы по желаемому числу детей:											
	Женщины						Мужчины					
	1		2		3 и более		1		2		3 и более	
	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой	среднее ожидаемое число детей	отличие от группы с высокой оценкой
низкая (0–30)	0,94	-0,01	1,72	-0,10	2,62	-0,08	0,87	-0,02	1,68	-0,11	2,39	-0,18
	N=32		N=102		N=29		N=38		N=139		N=41	
средняя (40–60)	0,86	-0,09	1,79	-0,03	2,60	-0,10	0,91	+0,02	1,76	-0,03	2,47	-0,10
	N=128		N=280		N=126		N=119		N=296		N=119	
высокая (70–100)	0,95	-	1,82	-	2,70	-	0,89	-	1,79	-	2,57	-
	N=104		N=349		N=126		N=131		N=322		N=139	

женщин и 0,09 у мужчин, по оценке жилищных условий – соответственно, 0,04 и 0,03. Эти показатели и могут, видимо, рассматриваться, как возможный резерв увеличения среднего числа рождённых детей, который может быть реализован при повышении до уровня высокой оценки условий жизни у тех, кто оценивает их как средние и низкие.

Ещё одним индикатором резервов увеличения среднего числа рождённых детей и повышения рождаемости может, вероятно, служить разница в самооценке вероятности рождения ребенка при наличии и отсутствии каких-либо дополнительных мер помощи семьям с детьми. Этот резерв в той или иной степени может быть реализован при осуществлении дополнительных существен-

ных мер помощи семьям. В ВНРПН-2012 (как и в некоторых других исследованиях) задавался вопрос: «Оцените, пожалуйста, для себя вероятность рождения ребенка в ближайшие 3 года (первого, если у Вас нет детей, или ещё одного): Если не будет новых дополнительных мер помощи семьям; Если будут какие-нибудь дополнительные к ныне действующим мерам помощи семьям». По каждому из пунктов предусматривалась оценка вероятности по шкале от 0 до 100. Следует, конечно, иметь в виду, что в данном случае предполагается оценка вероятности рождения только одного ребёнка и только в ближайшие 3 года. Но учитывая, что в качестве возможного резерва увеличения среднего числа рождённых детей, в данном случае рассматривается разница в вероятности рождения ребёнка при наличии и отсутствии дополнительных мер помощи семьям с детьми, эти ограничения отчасти нейтрализуются. По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г. эта разница составила 11,8%-ных пунктов у женщин и 7,8%-ных пунктов мужчин. С учётом этих данных резерв увеличения среднего числа рождённых детей, связанный с реализацией дополнительных существенных мер помощи семьям с детьми, может быть оценен, примерно, в 10%-ных пунктов.

Заключение

Результаты исследования показали возможность оценки резервов повышения рождаемости в России на основе статистической информации и данных социологических исследований репродуктивного поведения.

Наиболее вероятным, с точки зрения возможностей реализации, резервом повышения рождаемости в России является предстоящее позитивное влияние изменений в половозрастной структуре населения на динамику общих показателей рождаемости в 2030-х гг. (в 2034–2036 гг. за счёт этого фактора общий коэффициент рождаемости может ежегодно возрастать более, чем на 2%). В 2020-е гг. структурный фактор будет влиять негативно, но повышение рождаемости может иметь место за счёт преодоления негативного влияния «тайминговых сдвигов» на суммарный коэффициент рождаемости по первым и вторым рождениям. Суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям может повыситься с 0,625 в 2020 г. до уровня, близкого к 0,8, а по вторым – с 0,523 до 0,60–0,62.

Наряду с анализом статистической информации оценку резервов повышения рождаемости позволяют сделать данные о репродуктивных намерениях, получаемые по результатам социологических опросов. Исследование показало, что при полной реализации ожидаемого числа детей (т.е. того, которое, по мнению респондентов, они собираются иметь) среднее число рождённых детей в реальных поколениях может увеличиться на 0,2–0,3. Ещё одним индикатором репродуктивных намерений, позволяющим оценивать резервы повышения среднего числа рождённых детей, является доля респондентов, собирающихся иметь ещё ребенка. Разница в её величине и приросте среднего числа рождённых детей в реальных поколениях за период, прошедший после социологического опроса (в данном случае «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г.), также может рассматриваться как резерв повышения рождаемости. В данном исследовании она составила 0,10–0,13 ребёнка. Это несколько меньше, чем по ожидаемому числу детей, но нужно иметь в виду, что в данном случае (исходя из формулировки вопроса в анкете), в отличие от ожидаемого числа детей, речь идет о рождении ещё только одного ребёнка.

Более существенны, но и с меньшей вероятностью реализуемы резервы увеличения среднего числа рождённых детей, связанные с возможностью приближения к желаемому числу детей. Результаты исследований показывают, что желаемое число детей, в среднем, превышает ожидаемое на 0,25–0,35.

Оценка резервов увеличения среднего числа рождённых детей может быть сделана также с учётом отличия среднего ожидаемого числа детей при средней и низкой оценке условий жизни от величины этого показателя при их высокой оценке и различий в средней самооценке вероятности рождения ребенка в зависимости от дополнительной поддержки семей с детьми.

Оценка резервов повышения рождаемости имеет как научное, так и практическое значение. Она может быть использована как для демографических прогнозов, так и для оценки возможного результата демографической политики в отношении рождаемости, что важно для соответствующих министерств и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Список литературы

1. Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе населения? // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56–62.
2. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М., Грааль, 2002. 167 с. ISBN: 5-94688-025-X.
3. Анолихин О.И., Москалева Н.Г., Комарова В.А. Современная демографическая ситуация и проблемы улучшения репродуктивного здоровья населения России // Экспериментальная и клиническая урология. 2015. № 4. С. 4–14.
4. Белова В., Дарский Л. Мнения женщин о формировании семьи (по данным специального опроса работниц нескольких московских предприятий) // Вестник статистики. 1968. №8. С. 27–36.
5. Биктимиров Н.М., Гайфутдинова Р.М., Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И. Внутрорегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2019. Т. 12. № 3. С. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.12
6. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., Статистика, 1976. 248 с.
7. Елисеева И.И. Рождения и нерождения // Петербургская социология сегодня. Вып.10. СПб., 2018. С. 204–216. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.glcq-yc02
8. Землянова Е.В. Потери потенциальных рождений в России из-за проблем, связанных со здоровьем // Социальные аспекты здоровья населения. 2016. № 2 (48) DOI: 10.21045/2071-5021-2016-48-2-4
9. Ильдарханова Ч.И., Ибрагимова А.А. Качество жизни многодетных семей (кейс Республики Татарстан) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2021. № 1 (61). С. 73–82. DOI 10.52452/18115942_2021_1_73
10. Калачикова О.Н., Шабунцова А.А. Возможности и резервы повышения рождаемости в России // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 6 (68). С. 66–72.
11. Карафа-Корбут Н.О., Приходченко О.И., Паршута В.С. Прогнозные оценки рождаемости в Беларуси на основе демографической волны // Евразийский союз учёных. 2019. № 9(66). С. 39–44. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.3.66.312
12. Малева Т.М., Тындик А.О. Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 137–158.
13. Медков В.М. Уровень жизни и репродуктивное поведение двухдетной городской семьи // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983. С. 138–139.
14. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. 2017. № 4. С. 56–66. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-4
15. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013
16. Сифман Р.И. Рождаемость и материальная обеспеченность // Рождаемость. М., Статистика, 1976. С. 76–92.
17. Тихомиров Н.П., Тихомирова Т.М. Оценка и управление потенциалом воспроизводства населения России // Федерализм. 2019. № 3. С. 51–71. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2019-3-51-71
18. Тындик А.О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361–376.
19. Шабунцова А.А., Калачикова О.Н. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // Народонаселение. 2016. № 4. С. 47–56.
20. Beaujouan E., Berghammer C. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach // Population Research and Policy Review. 2019. № 38. P. 507–535. DOI 10.1007/s11113-019-09516-3
21. Liefbroer A.C. Changes in family size intentions across young adulthood: a life-course perspective. European journal of population. 2009. № 25(4). P. 363–386. DOI https://doi.org/10.1007/s10680-008-9173-7
22. Philipov D. Fertility intentions and outcomes: The role of policies to close the gap. European journal of population. 2009. № 25. P. 355–361. DOI https://doi.org/10.1007/s10680-009-9202-1
23. Spéder Z., Kapitány B. How are time-dependent childbearing intentions realized? Realization, postponement, abandonment, bringing forward. European journal of population. 2009. № 25. P. 503–523. DOI https://doi.org/10.1007/s10680-009-9189-7

Информация об авторах:

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, руководитель отдела рождаемости и репродуктивного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики Лаборатории экономики народонаселения и демографии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

(E-mail: archangelsky@yandex.ru), (elibrary AuthorID: 77068),

(ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7091-9632), (ResearcherID: T-4845-2017).

Фадеева Тамара Андреевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории проблем воспроизводства населения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН).

(E-mail: fadeevatom@gmail.com), (elibrary AuthorID: 854710),

(ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9866-5913), (ResearcherID: J-1346-2018).

Заявленный вклад авторов:

Архангельский В.Н. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ статистической информации, формулирование выводов.

Фадеева Т.А. – анализ публикаций по теме исследования, анализ данных социологического исследования, формулирование выводов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор ответственный за переписку – Архангельский Владимир Николаевич.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

RAR (Research Article)

doi: 10.19181/Ispr.2022.18.2.2

Reserves for Increasing the Fertility in Russia: to the Method of Assessment

Vladimir N. Arkhangelskiy^{1,2}, Tamara A. Fadeeva³¹ Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia, (arkhangelskiy@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>)² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia³ Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), Moscow, Russia, (fadeevatoma@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0001-9866-5913>)

Abstract

The article considers methodical issues of estimating fertility growth reserves. Based on statistical information for Russia, this estimate for the total fertility rate is related to the upcoming changes in the sex and age structure of the population. And in relation to the total fertility rate, the reserves of increase in the first and second births are associated with overcoming the negative consequences of "timing shifts." The estimation of fertility growth reserves is based on fertility rates for both calendar years and real generations. The results of sociological studies of reproductive behavior give significantly greater opportunities for assessing fertility growth reserves (this work uses data from the "Selective Observation of Reproductive Plans of the Population" conducted by Rosstat in 2012). Relatively more feasible reserves for increasing the average number of children born in real generations (and, therefore, increasing the birth rate) are the difference in the average expected and available number of children, the proportion intending to give birth in the coming years. The larger but more complex reserve for increasing the average number of children born is the difference between the desired and the available number of children. The difference between the average expected number of children with an average and a low assessment of living conditions and the value of this indicator with a high assessment, differences in the average self-assessment of the likelihood of having a child in the coming years, with and without additional assistance to families with children.

Keywords: fertility, total fertility rate, real generations, average number of children born, reproductive intentions, fertility growth reserves

Acknowledgements

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research: project No. 20-510-00004.

For citation: Arkhangelskiy V.N., Fadeeva T.A. Reserves for Increasing the Fertility in Russia: to the Method of Assessment. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 162–176. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.2.2

References

1. Andreev E.M., Bondarskaja G.A. *Mozhno li ispol'zovat' dannye ob ozhidaemom chisle detej v prognoze naselenija?* [Is it possible to use data on the expected number of children in the population forecast?]. *Voprosy statistiki*. 2000. №11. S.56-62 (In Russ.).
2. Antonov A.I., Medkov V.M., Arhangel'skij V.N. *Demograficheskie processy v Rossii XXI veka*. [Demographic processes in Russia of the 21st century] M., Graal, 2002. 167 s. ISBN: 5-94688-025-H (In Russ.).
3. Apolihin O.I., Moskaleva N.G., Komarova V.A. *Sovremennaja demograficheskaja situacija i problemy uluchsheniya reproduktivnogo zdorov'ja naselenija Rossii* [Contemporary demographic situation and problems of improving the reproductive health of Russian population]. *Jeksperimental'naja i klinicheskaja urologija*. 2015. №4. S.4-14 (In Russ.).
4. Belova V., Darskij L. *Mnenija zhenshin o formirovanii sem'i (po dannym special'nogo oprosa rabotnic neskol'kih moskovskih predpriyatij)* [Opinions of women on the formation of the family (according to a special survey of employees of several Moscow)]. *Vestnik statistiki*. 1968. №8. S.27-36 (In Russ.).
5. Biktimirov N.M., Gajfutdinova R.M., Ibragimova A.A., Il'darhanova Ch.I. *Vnutriregional'naja differenciacija demograficheskogo potentsiala Respubliki Tatarstan* [Intraregional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2019. T. 12. №3. S. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.12 (In Russ.).
6. Borisov V.A. *Perspektivy rozhdamosti*. [Fertility prospects] M., Statistika, 1976. 248 s. (In Russ.).
7. Eliseeva I.I. *Rozhdenija i nerozhdenija* [Birth and Not Birth]. *Peterburgskaja sociologija segodnja*. Vyp.10. SPb., 2018. S.204-216. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.g1cq-yc02 (In Russ.).
8. Zemljanova E.V. *Poteri potentsial'nyh rozhdenij v Rossii iz-za problem, svjazannyh so zdorov'em* [Potential birth loss due to health-related problems in Russia]. *Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija*. 2016. №2 (48) DOI: 10.21045/2071-5021-2016-48-2-4 (In Russ.).
9. Il'darhanova Ch.I., Ibragimova A.A. *Kachestvo zhizni mnogodetnyh semej (kejs Respubliki Tatarstan)* [Life quality of families with many children (case of the Republic of Tatarstan)] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. Serija: Social'nye nauki, 2021. №1 (61). S.73-82. DOI: 10.52452/18115942_2021_1_73 (In Russ.).
10. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. *Vozmozhnosti i rezervy povysheniya rozhdamosti v Rossii* [Opportunities for and potential of the birth rate increase in Russia]. *Problemy razvitija territorii*. 2013. Vyp.6 (68). S.66-72 (In Russ.).
11. Karafa-Korbut N.O., Prihodchenko O.I., Parshuta V.S. *Prognoznye ocenki rozhdamosti v Belarusi na osnove demograficheskogo volny* [Projected estimates of fertility in Belarus based on the demographic wave]. *Ev-razijskij sojuz uchenyh*. 2019. №9(66). S.39-44. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.3.66.312 (In Russ.).
12. Maleva T.M., Tyndik A.O. *Potencial rosta rozhdamosti v Rossii: uroki megapolisa* [Fertility growth potential in Russia: lessons of the megalopolis]. *Zhurnal Novej jekonomicheskoy asociacii*. 2013. №1 (17). S.137–158 (In Russ.).
13. Medkov V.M. *Uroven' zhizni i reproduktivnoe povedenie dvuhdetnoj gorodskoj sem'i*. *Social'no-demograficheskie issledovanija braka, sem'i, rozhdamosti i reproduktivnyh ustanovok*. [Living standards and reproductive behaviour of a two-day urban family] Erevan, 1983. S.138-139 (In Russ.).
14. Rybakovskij O.L., Tajunova O.A. *Rozhdamost' naselenija Rossii i demograficheskie volny* [Fertility in Russia and demographic waves]. *Narodonaselenie*. 2017. №4. S.56-66. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-4 (In Russ.).
15. Sinel'nikov A.B. *Transformacija braka i rozhdamost' v Rossii* [Transformation of marriage and fertility in Russia]. *Narodonaselenie*. 2019. № 2. S.26–39 DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013 (In Russ.).

16. Sifman R.I. Rozhdaemost' i material'naja obespechennost' [Fertility and material security]. Rozhdaemost'. M., Statistika, 1976. S. 76-92 (In Russ.).
17. Tihomirov N.P., Tihomirova T.M. Ocenka i upravlenie potencialom vosproizvodstva naselenija Rossii [Assessing and managing the reproduction potential of Russia]. Federalizm. 2019. №3. S.51–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2019-3-51-71>
18. Tyndik A.O. Reproduktivnye ustanovki i ih realizacija v sovremennoj Rossii [Reproductive attitudes and their realization in modern Russia]. Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2012. T.10. №3. S. 361-376 (In Russ.).
19. Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Demograficheskij potencial i stimulirovanie rozhdaemosti [Demographic capacity and fertility promotion]. Narodonaselenie. 2016. №4. S. 47-56 (In Russ.).
20. Beaujouan E., Berghammer C. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Eu-rope and the United States: A Cohort Approach. Population Research and Policy Review. 2019. №38. P. 507–535. DOI: [10.1007/s11113-019-09516-3](https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3)
21. Liefbroer A.C. Changes in family size intentions across young adulthood: a life-course perspective. European journal of population. 2009. №25(4). P. 363–386. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-008-9173-7>
22. Philipov D. Fertility intentions and outcomes: The role of policies to close the gap. European journal of population. 2009. №25. P. 355–361. DOI <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9202-1>
23. Spéder Z., Kapitány B. How are time-dependent childbearing intentions realized? Realization, postponement, abandonment, bringing forward. European journal of population. 2009. №25. P. 503–523. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9189-7>

Information about the Authors:

Vladimir N. Arkhangelskiy – candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Fertility and Reproductive Behavior of the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Head of the Population Reproduction and Demographic Policy Sector of the Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

(E-mail: arkhangelsky@yandex.ru), (elibrary AuthorID: 77068),

(ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>), (ResearcherID: T-4845-2017).

Tamara A. Fadeeva – candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Population Reproduction Problems of Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences (ISESP RAS).

(E-mail: fadeevatoma@gmail.com), (elibrary AuthorID: 854710),

(ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9866-5913>), (ResearcherID: J-1346-2018).

Authors' declared contribution:

Arkhangelskiy V.N. – setting the problem, developing the concept of the article, analyzing statistical information, formulation of conclusions.

Fadeeva T.A. – analysis of publications on the topic of research, analysis of sociological research data, formulation of conclusions

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Vladimir N. Arkhangelskiy.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 12.04.2022.